

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Новикова В.Г. Текст военного города: Лондонский Блиц в современной британской прозе // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77484 EDN: UUNNUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77484

Текст военного города: Лондонский Блиц в современной британской прозе

Новикова Вера Григорьевна

ORCID: 0000-0002-7398-3867

доктор филологических наук

профессор; кафедра зарубежной литературы; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

603000, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

✉ wnovikova@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77484

EDN:

UUNNUE

Дата направления статьи в редакцию:

25-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является процесс формирования мифа о Блице в прозе Великобритании в период с 1940-х годов по первые десятилетия XXI века. События Лондонского Блица – бомбардировки столицы страны с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941 – уже в сороковые годы нашли отражение в романах и рассказах писателей. В совокупности с текстами официальной пропаганды они стали основой сформировавшегося в период Блица идеологического конструкта, получившего название «Миф о Блице». Цель данного исследования – выявление основных компонентов этого мифа на всех этапах его функционирования по настоящее время. Объектом исследования являются романы П. Акройда, М. Муркока, С. Уотерса и произведения массовой литературы XXI века. Поскольку в данной работе анализировались произведения нескольких исторических этапов развития темы Блица и привлекались труды историков, провоцирующих трансформацию мифа о нем, использовались историко-типологический и сопоставительный методы исследования.

Основным выводом проведенного исследования является утверждение, что по сей день совокупность смысловых центров Мифа о Блице остаются основанием трактовки национальной британской идентичности. Центром конструкции является представление о наивысшем в истории единстве нации. «Узлы» мифа были рассмотрены в трактовке Питера Акройда, предложившего их перечень в главе «Блиц» в книге «Лондон. Биография» (2000). Показано, что на протяжении последующих десятилетий миф подвергался сомнению, особенно в плане классового равенства. Особого внимания заслуживает тема «отказников» (тех, кто принципиально не брал в руки оружие), поднятая С. Уотерс в романе «Ночной дозор». Несмотря на зафиксированные историками и социологами доказательства отсутствия единства нации, миф о Блице остается краеугольным камнем в основе идейного содержания современной массовой литературы. Обращение к Блицу по-прежнему часты, как правило, в жанрах формульной литературы: шпионского, детективного, любовного романа, а также семейных хроник. Новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении рассматривается весь контекст британской прозы о Блице в названном ракурсе, привлекаются произведения, созданные в 2020-е годы.

Ключевые слова:

Лондонский Блиц, Миф о Блице, британский роман, Сара Уотерс, Питер Акройд, повседневность войны, британская идентичность, шпионский роман, любовный роман, эстетика огня

Введение

Проблема осмыслиения исторического опыта является одной из важнейших в современном гуманитарном знании, в первую очередь, в силу влияния этого опыта на состояние национального самосознания. На протяжении последних восьмидесяти лет в центре внимания остаются события Второй мировой войны. В Великобритании одним из центральных эпизодов войны стал Лондонский Блиц – бомбардировка Великобритании нацистской Германией в период с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941. Обращение к теме Лондонского Блица актуально в силу связанной с этим обстоятельством проблемы перечитывания истории и, соответственно, сохранения или разрушения системы социально-значимых ценностей. То, что внимание к Лондонскому Блицу не ослабевает, подтверждается значительным количеством как собственно художественных произведений, так и исторических, публицистических исследований, появившихся уже в первые десятилетия XXI века. Цель данного исследования – выявление основных компонентов мифологического конструкта, получившего название «Миф о Блице», в художественной литературе и нон-фикшн с 1940-х годов по настоящее время.

Терминология статьи связана с предложенным В.Н. Топоровым, уже классическим пониманием текста города как «не только структурным инвариантом, производящим вариативность художественных текстов, но и мифологемой, совмещающей в себе реальность сверхтекста и внетекстуальную эмпирическую реальность» [\[1, с. 261\]](#).

Миф о Блице в английской прозе 1940-х годов

Образ огромного города, подвергающегося самому большому испытанию за свою историю, появляется в произведениях, написанных уже в 40-е годы. К ним относятся

«Министерство страха» (1942) Г. Грина, «Не жалейте флагов» (1943) И. Во, «Разгар лета» (1942) Э. Боуэн и ее же рассказы начала 40-х годов, «Две пары ног» и «Воображение» (1943) М. Диккенс, а также романы Р. Лехманн, П. Гамильтона и многих других авторов.

В этих произведениях формируются основные узлы лондонского военного текста, в совокупности представляющие собой устойчивый идеологический конструкт, который можно назвать мифом Лондонского Блица. В романе «Лондон, любовь моя», написанном в 1988 году, его автор, М. Муркок, утверждает: «Мифы, выдержав испытание временем и не утратив свою актуальность, вносят в жизнь большинства людей определенный смысл. У каждого великого города есть свои особые мифы. Для лондонцев, с недавних пор, стала важна история нашей стойкости, история Блица» [2, с 11]. Слово "блиц" обрело глубокий смысл, обозначая британский дух военного времени, ставший основополагающим в целостной концептосфере британской идентичности. «Британскость» Блица складывается из множества текстов, созданных на протяжении военных лет и послевоенных десятилетий.

Центры лондонского текста периода Блица отчетливо обозначены Питером Акройдом в рассказанной им истории Лондона. В главе «Блиц» он выделяет ряд элементов на основе обширнейшего ряда источников. Хотя книга «Лондон. Биография» издана в 2000 году, писатель опирается главным образом на свидетельства 1940-х гг. Во-первых, он подчеркивает настроение лондонцев в период бомбардировок, которое определяет как «воодушевленный вызов». Акройд цитирует составителя антологии по лондонской истории А. Н. Уилсона: «Документы того времени свидетельствуют «о веселой дерзости, о склонности к шуткам и пению» даже и «в близком и откровенном соседстве с жестокой смертью». (Здесь и далее приведенные П. Акройдом источники цитируем по его книге) [3, с. 832].

Очевидец событий, писатель Г. Мортон в 1941 году написал: «Трудно представить, сколько смертоносного груза было сброшено на такую гигантскую цель, как Лондон, с 24 августа 1940 года, когда начались бомбежки. Теперь город выглядит зловеще, лежит в развалинах. В районе Гильд-холла несколько улиц стерты с лица земли. Жители Лондона научились жить под угрозой постоянной опасности, и то, во что невозможно было поверить, воспринимается теперь нами в качестве привычного условия существования. Думаю, способность снижать невероятное до уровня повседневности является исключительно английским даром. (Г. У. Мортон. «Лондон». Февраль 1941) [4, р. 42].

В принятии бомбек как неизбежной повседневности воплощалась форма протesta нападающей орде нацизма. Лондонцы отказались менять свой образ жизни. Работали все службы – почтовая, пожарная, etc – города, работали рестораны и кинотеатры, пекарни и бары, заводы и фабрики. Все это символизировало для каждого из обитателей города их несгибаемый дух. Жителей города объединяло чувство гордости. «Все настроены крайне решительно, — писал Хамфри Дженнингс, один из наблюдателей тех событий, — и в глубине души испытывают восторг от того, что им дарована привилегия противостоять Гитлеру», в людях ощущался «диковинный душевный подъем... лондонцы чувствовали себя элитой» [3, с. 834]. Именно атмосфера несгибаемости перед лицом смертельной опасности стала основой конструкции мифа о Блице.

Во-вторых, «у спокойной решимости лондонцев осенью и зимой 1940 года была и иная сторона, связанная с неким глубинным ощущением того, что город страдал и раньше и что он, так или иначе, выстоял. Ничто прежнее, конечно, не шло в сравнение с яростью

и разрухой «блица», однако сама многовековая живучесть Лондона и дух преемственности вселяли в людей сокровенную и пока что, может быть, еще смутную уверенность. Неизменно ощущался намек на обновление и возрождение, которым суждено рано или поздно произойти. Поэт Стивен Спендер, находившийся в северном Лондоне после одного из налетов, писал: «Я испытывал успокаивающее чувство надежной темной огромности Лондона» [3, с. 833].

В то же время люди испытывали «всепроникающее чувство» нереальности происходящего [3, с. 838]. Возможно, эта подвижная реальность вызывала к жизни и особое эстетическое чувство, какой-то театральности событий. В романах, созданных непосредственно в годы войны, писательница А. Байетт обнаруживает «зловеще освещенный, галлюцинаторный пейзаж горящего Лондона» [5, р. 23]. В своей теоретической книге «History and story» она пишет, что «этот пейзаж с самого начала вошел в романы с темами неопределенной идентичности, предательства, неверности. Персонаж рассказа Боуэн военного времени "Летняя ночь" видит войну как апокалипсис, после которого должен быть новый мир и новое искусство: «Я говорю, что эта война – ужасное озарение; она уничтожила нашу тьму; мы должны увидеть, где мы находимся. Мы должны пробиться к новой форме – для этого нужен гений. Мы осаждены в этот момент между гением и смертью» [5, р. 26]. В описании произведений Элизабет Боуэн и Генри Грина автор обнаруживает центральную метафору войны – яркое пламя пожара. Образ горящего Лондона полон «органической энергии и фантасмагорического движения» [5, р. 26].

Третьим узлом, скрепляющим элементы мифа о Блице, является образ дома. Уже в произведениях 40-х годов рассматривается взаимодействие пространства города и пространства дома. В традиции национального сознания дом был частным приютом, обеспечивающим защиту от внешнего мира. Во время Второй Мировой войны традиционные понятия уединения дома и безопасности разрушились вместе со стенами особняков, квартир, частных домов, и убежищ воздушного налета. Повторяющимся элементом текста военного города становятся описанные в мельчайших деталях разрушенные дома, скрывающие многочисленные жертвы. В ряде произведений ситуацию опасности неминуемого разрушения подчеркивает сюжетная ситуация, когда в дом попадает бомба, но не разрывается сразу. Таков финальный эпизод в романе М. Спарк «Девушки со скромными средствами» (1963). Он повторяется в романе М. Муркока «Лондон, любовь моя» (1988). И в том, и в другом случае бомба грозит разрушить идиллический мир: у Спарк это радостный мир победы, 1945 год, у Муркока это мир коттеджа, в центре Лондона сохранившего до Блица атмосферу многовековой традиции дома – идеальной среды обитания англичанина.

Бомбоубежища и станции метро не являются верной защитой. Историк приводит частную беседу об опасностях бомбоубежищ, которая иллюстрирует растущую уверенность лондонцев, что дома и убежища больше не были безопасными. Даже станции метро не были гарантированы от прямого попадания бомбы, как это случилось на станции «Бэнк», когда погибло более сотни человек. «Поэтому большинство лондонцев просто залезали дома под одеяло и молились». Романом, в котором аккумулировались многие аспекты темы убежища стал вышедший в свет в 1970 году роман Д. Лоджа «Выход из убежища». Герой романа, пятилетний мальчик Тимоти Янг оказывается бездомным во время Блица, он спит в убежище, где его приютили чужие люди. Это роман инициации – после войны мальчик оказывается в Германии, сопоставляет опыт войны и после нее, однако тема убежища остается в центре внимания автора.

Гибель дома как несомненного до этого момента надежного укрытия принципиально значима. На фоне разрушения главного оплота безопасности особый, новый смысл обретают общественные связи.

Центр, ось конструкции мифа – представление о том, что во время Блица возникла **новая общность** между людьми. Эта общность имела сложносочиненную структуру, состоящую из целого ряда составляющих. Писательница Элизабет Боуэн в романе о военном Лондоне «Разгар дня» говорит, что погибшие среди огня и развалин не должны быть позабыты. «Эти безымянные мертвецы упрекали живых не гибелью своей — ибо их нельзя было спасти, можно было только погибнуть с ними вместе, — а безвестностью, которую не развеять в одночасье». Война обнажила самую суть людского одиночества и обезличенности в большом городе. «Не позаботясь о том, чтобы они жили, — кто имел теперь право их оплакивать?» [\[3, с. 837\]](#)

Следствием стали попытки горожан «разбить скорлупу безразличия», в некотором смысле игнорируя или смягчая привычные ограничения лондонской жизни. «Чем тоньше делалась стена между живыми и мертвыми, тем более проницаемыми становились перегородки между живыми». Вечером от незнакомого прохожего можно было услышать: «Доброй ночи, удачи вам» [\[3, с. 833\]](#).

Новый смысл обретают общественные связи. Поскольку Лондон и другие британские города оказались под бомбами, необходимость национальной защиты уменьшила расстояние между солдатами и гражданскими лицами, и восстановила подразделения между праздными и рабочими классами. Для многих гражданских лиц среднего класса конвергенция тыла и линии фронта изложила идеологический вызов традиционным гендерным ролям. Поскольку стены их домов разрушились вокруг них, женщины внезапно оказались на общественной арене. На страницах дневника от Sep. 9, 1940, одна молодая женщина радостно приветствует способ, которым взрыв бомб освободил ее от обычного распорядка дня: Я испытываю чувство, неопределенно счастливое и торжествующее. "Меня бомбили!" Я продолжал говорить мне непосредственно, много раз - примеряю фразу, как новое платье, смотрю, как это оно сидит "Меня бомбили!... Меня бомбили - меня!".

Женщина пишет о блице как способе узнавания своей социальной идентичности. Вместо того, чтобы убояться смерти, она рассматривает это как освобождение от твердых гендерных стереотипов. Она примеряет свою новую политическую роль как примеряют платье.

В построении мифа о Блице существенную роль играет отчетливая оппозиция разрушения – созидания. Разрушаются дома и представление о защитной силе дома, под бомбами теряют свой смысл классовые различия, раруваются гендерные стереотипы. Созидается новая общность людей и в этом есть сила нации.

Л.А. Халилова, обобщая в статье «Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей» дневники, письма, записи частных лиц, утверждает: «Именно совместные страдания и скорбь потерь, испытания, которые выпали во время Блица на долю лондонцев всех поколений и сословий, воля людей к победе и яростное сопротивление могуществу Германии всех жителей Лондона и народа Соединенного Королевства способствовали формированию британской национальной идентичности». [\[6, с. 98\]](#).

Однако в последующие десятилетия XX века эта устойчивая конструкция стала подвергаться сомнению. Поскольку очевидная динамика в решении «женского вопроса»

в литературе оказалась практически на первом плане в литературной критике, она же подверглась определенным уточнениям. Одной из самых цитируемых работ в этой области является исследование К.Миллер. в первых двух главах которого она рассматривает «Mobile Women in Elizabeth Bowen's War Writing» и «Immobile Women in Rosamond Lehmann's War Writing». И Э. Боуэн, и Р. Леманн по рождению принадлежали к верхушке среднего класса, в 30-е годы обе были членами группы интеллектуалов Блумсбери. Боуэн, по мнению исследователя, «стремясь восстановить господство своего воображения во времена стольких потрясений, попыталась представить себе Блиц на другом уровне, как время для расширения своей идентичности за счет освоения новых свобод. В предисловии к "Демоническому любовнику" она утверждает, что жила в военное время "и как гражданский человек, и как писатель, с открытыми глазами", и , оглядываясь на войну в 1947 году, Боуэн с нежностью вспоминает свою жизнь подвижной женщины в тылу: "Я бы я бы ни за что не пропустил пребывание в Лондоне во время войны: это был самый интересный период в моей жизни" [7, с. 28]. Как и ее герои, Боуэн во время войны живет в такой же опасности, среди разрушающего бомбами и ракетами Лондона. В то же время «персонажи Розамонд Леманн, как правило, живут в такой же безопасности, как и она, эвакуированные в свои загородные поместья. Леманн подчеркивает их безопасность, перенося некоторые из своих военных произведений в мирное время: события происходят до Второй мировой войны, и большая часть действия происходит в мирное время. либо до, либо после войны» [7, с. 61].

Таким образом, Миллер отмечает различие в позиции авторов, которое заключалось в самом их месте пребывания во время блицкрига. Персонажи Боуэн, принадлежащие к верхушке среднего класса, находятся в центре событий, в Лондоне. Главная героиня ее романа о Блице служит в правительственном агентстве и проявляет патриотизм. Героини Леманн также одобряют Народную войну, но делают это на безопасном расстоянии. О героях других классов в произведениях этих авторов речь не идет, они остаются на периферии. У других авторов – свидетелей событий – классовые различия на самом деле присутствуют , как в романах о повседневности Блица Моники Диккенс, или в рассказах Инесс Холден, или в романах Грина.

Риторикой Народной войны, в той части, которая убеждает в появлении новых возможностей для женщин, на самом деле скрыты все те же классовые различия, свойственные довоенному времени. А. Колдер, шотландский историк и писатель, идет еще дальше в развенчании идеи об абсолютном единства народа в этой войне. Первая его книга на эту тему «The People's War» появилась в 1969году , а в 1994 году выходит в свет «The Myth Of The Blitz». Он рассматривает как основу национальной мифологии триаду: Дюнкерк, битва за Британию и Блиц. Колдер подробно анализирует речи Черчилля, радиопередачи Пристли по сценариям Министерства информации и постановочные кинематографические работы Дженнингса, в комплексе представляющие мощную пропагандистскую деятельность государства. В период войны пропаганда воспринималась всеми слоями населения как руководство для поведения, осознания ситуации, конкретных действий. Впоследствии все это стало основой для укрепления политически признанной формы британской идентичности. Однако собранные автором архивные материалы, главным образом свидетельства британцев, непосредственно переживавших события Блица, заставили его сделать иные выводы. Колдер доказывает, что классовое расслоение оставалось столь фундаментально основополагающим для социума периода Блица, что и в довоенный период. И остается таковым и далее, после войны [8].

Надо отдать должное совокупности усилий историков и особенно архивистов в

стремлении сохранить свидетельства британцев, касающиеся всех событий и подробностей войны. «Особое место здесь занимают источники, хранящиеся в «The Mass Observation Archive». Эта организация была создана в Великобритании в 1937 году поэтом и журналистом Ч. Мэджем и антропологом Т.Харрисоном, которые сделали своей задачей собирание записей «голосов людей», ведущихся день за днем. Их цель состояла в том, чтобы создать «науку непосредственно о нас». Они собрали записи, фиксирующие представления обычных британцев, в том числе принятых на работу добровольцев, наблюдающих за повседневной британской жизнью и записывающих свои впечатления в дневниках и ответах на вопросы специально составленных анкет. Эти архивы теперь дают уникальное понимание жизней британских гражданских лиц, в том числе и в период войны» [\[9, с. 213\]](#).

На основе существующей огромной документальной базы политические и социальные последствия конкретных интерпретаций Народной войны анализируются в работе С. Роуз с провокационным названием «Which People's War?: National Identity and Citizenship in Wartime Britain». Название формулирует главную проблему: какого именно народа эта войны? Что значило быть гражданином страны в годы войны, и каковы были характеристики британца. Автор изучает все составляющие «британскости» в период войны. Именно в этот период складывается представление о нации как «особом народе». Важная проблема – каковы были последствия этой военной формулы. Концепция «британскости» оказывается уязвимой именно в силу идеи тотальности идентичности, сопоставимой с национализмом. [\[10\]](#).

События Лондонского Блица в прозе XXI века

В первой четверти XXI века интерес к Блицу не угас ни у писателей, ни у читателей. Следует отметить продолжающуюся работу по сбору воспоминаний очевидцев событий. Так, дневники и мемуары, записи и пометки в дневниках, записных книжках и даже на «оборотах квитанций и бланков» собраны и опубликованы Э. Х. Белл в книге «London Was Ours: Diaries and Memoirs of the London Blitz (International Library of Twentieth Century History) [\[11\]](#). В 2016 году К. Харрис издает Путеводитель «Прогулки по Лондону Блица» [\[12\]](#). В 2023 году Д. Конен пишет «Бомбардировки Лондона в 1940-41 годах: Блицкриг и его влияние на столицу» с вновь прослеженной хронологией Лондонского блица. Здесь указано, что происходило во время каждого налета, человеческие жертвы и материальный ущерб, разрушенные или поврежденные здания, а также убитых и раненых людей. Для расследования этих событий используются "Список погибших в гражданской войне" и "Лондон Газетт" – источники, которые ранее использовались лишь в ограниченном объеме. Часть исследования посвящена зданиям, разрушенным полностью или частично с указанием на ход их восстановления в послевоенные годы [\[13\]](#).

В прозе первых десятилетий нового века возрождаются основные узлы мифа о Блице. Одним из лучших стал роман С. Уотерс «Ночной дозор» (2006) [\[14\]](#). Эта писательница в конце 1990-х годов зарекомендовала себя как автор неовикторианской прозы. В этом качестве Уотерс получила признание и пристальное внимание критики, сохраняющееся и сегодня. «Ночной дозор» в этом смысле стоит особняком в ее творчестве, однако занимает значимое место в литературе о Блице. Три части романа выстроены в обратной хронологии: «1947», «1944», «1941», то есть «стрела времени» направлена в прошлое. И центром этого прошлого является Блиц. Это естественно для британцев, поскольку это главный период в истории нации не только XX века, событие максимального

национального единения. Отметим, что все детали повествования подтверждают факт единства, не подвергающегося автором ревизии во всех нюансах, кроме одного. Одним из героев романа является «отказник». Этот термин появился в годы Первой мировой войны. Официальная мобилизация в Великобритании началась только в 1916 году. И именно в это время возникла необходимость во внесении в законодательство статьи о тех мужчинах, которые отказались взять в руки оружие. Основным мотивом здесь назывались религиозные или просто пацифистские взгляды. Законы были приняты, отказники отправлялись на альтернативные службы, чаще всего санитарами в боевые части. Некоторые, особенно идеологически активные, направлялись в тюрьмы. В любом случае, реакция общества, как правило, была негативной. Общественному презрению подвергались не только сами отказники, но и их друзья, семьи. Возникло общество Белого пера. Такие перья вручались на улицах, в общественных местах мужчинам не в военной форме и становились знаком общественного ostrakizma. В послевоенные годы мнение британцев заметно изменилось под влиянием повествований «потерянного поколения», осознания исторической трагедии Великой войны и бессмыслицы жертв. Но позиция отказников во Второй войне не была уже оправдана нежеланием проливать кровь врага. Это был эпоха, когда сам враг залил кровью не только всю Европу, но и сам Альбион. Не оказывать противодействия только потому, что для себя лично не желаешь никого убивать, было уже морально неубедительно. В конце 1990-х годов была опубликована трилогия «Regeneration» П. Баркер, получивший национальное признание рассказ о судьбе знаменитого «окопного поэта» Зигфрида Сассуна, пытавшегося стать отказником. В 2011 году стал известен роман Джона Бойна «Абсолютист», не столь громко прозвучавший, но все-таки художественно убедительно показав позицию человека, не желающего воевать. В том и другом случае речь идет о Первой мировой войне. Само появление в романе Уотерса отказника в период Блица говорит о социальной проблеме, которая, конечно, не была учтывая в мифе о Блице. Слабость характера этого человека, его социальная ничтожность проблемы никоим образом не снимает (некоторые исторические источники говорят о нескольких десятках тысяч отказников).

Главная героиня характером как раз обладает. Этот образ построен по всем канонам мифа. Это женщина, получившая доступ к активному общественному действию. Она сочетает свою официальную службу с деятельностью в команде спасателей и практически ежедневно много раз выезжает к разбомбленным домам. Автор описывает несколько выездов во всем ужасе деталей разорванных тел, рыдающих спасшихся людей, их разрушенных убежищ. Повседневность войны в романе показана очень убедительно и в целом оставляет законченное впечатление о героизме города и его обитателей.

В целом, литературные произведения о Блице можно условно подразделить на группы, соответствующие наиболее признанным сегодня жанрам массовой литературы. Приведем здесь конкретные примеры из обширного ряда произведений. На первом плане романы о преступлениях, совершаемых во время бомбардировок. Начиная с Г.Грина, написавшего «Ведомство страха» в период военных событий, Блиц как время и место действия остается очень востребованным. По мнению К. Миллер, « популярные детективные и шпионские романы экспериментируют с общими условиями, чтобы донести до более разнообразной аудитории, покупающей книги, идеологические конфликты, занимающие центральное место в серьезных романах» [7, р. 98]. Таковы романы М. Коллинза «Убийства во время Лондонского блица» (2004) и Дж. Лоутона, продолжающего серию романов об инспекторе Трое, начавшейся в 1998 году с романа «Затемнение» [15].

Сегодня в английской литературе довольно заметна тенденция к изображению частного

уюта жизни, связанного с жизнью пекарен, маленьких кафе, читален. В книге С. Маккейб «Беовульф: роман о Лондонском Блице» 2020 описан быт обитателей маленького кафе в названный период. Беовульф – это не эпический герой, а просто название гипсовой фигурки бульдога, сделавшегося центром кафе и символом стойкости лондонцев [\[16\]](#).

Как и в годы войны, популярностью на протяжении всех послевоенных десятилетий пользуется роман о любви. Таков роман Лары Фейгель «Любовное очарование бомб: Беспокойные жизни во время Второй мировой войны» (2013). Он построен как хроника событий с точки зрения пяти выдающихся писателей своего времени: Элизабет Боэн, Грэма Грина, Роуз Маколей, Хильды Спил и Генри Йорка (Генри Грина). Роман состоит из шести частей. С Блицем связаны первые две. В оглавлении указано: «Часть I. Одна ночь из жизни пяти писателей : 26 сентября 1940 года - Кинохроника - 19:00: Затемнение - 10:00: Пожар - 13:00: Спасатели - 18:00: Все чисто» [\[17, р. 4\]](#). Таким образом, читатель далее получает информацию о времени и месте действия, военном Лондоне и его обитателях. Цветовое решение романа создано в духе той самой театральности и эффекта очарования огня пожарищ, которые столь свойственны самым ранним произведениям о Блице. Здесь более всего очевидна отсылка к Г. Грину, который писал о «странной эйфории, когда Лондон стал ареной бурных любовных интриг и сюрреалистической красоты». Название "Любовное очарование бомб" связано с выражением Грина о разрывах бомб как «любовном талисмане» войны. Читатель погружается в мир известных творцов в экстремальный период Блица.

О.Г. Сидорова – автор работ о темах войны в современной англоязычной прозе [\[18, 19\]](#). Анализируя романы К. Аткинсон, семейные хроники, связанные с военным временем, она приходит к выводу о том, что авторы военных романов XXI в. «все чаще также используют документы, архивные материалы, воспоминания немногих живых свидетелей событий, которые в ряде случаев отличаются крайней субъективностью. Конкретно-историческое в этих произведениях сочетается с экзистенциальным, что, очевидно, можно объяснить особенностю исторического периода начала XXI в.: с одной стороны, события Второй мировой войны становятся — уже стали — событиями истории, с другой — еще живы их реальные свидетели и участники» [\[4, с.161\]](#). Та же тенденция относится и к литературе о Блице

Заключение

Обращение к прозе, созданной писателями Великобритании с 1940-х годов по 2020-е годы позволяет судить об устойчивости существования мифа о Блице как фундаментальной основы представлений о британской национальной идентичности. Основные компоненты мифа с самого начала представляли собой оппозиции: мощного военного насилия – бомбардировки многомиллионного города – и духовного сопротивления этому насилию, более значимого даже, чем противостояние с помощью оружия. Стремление подавить настроения патриотизма и сознательное преодоление посредством «неотмены» традиций мирной повседневной жизни. Тьма и разрушения огромного города и сияние улыбок людей, демонстрирующих доброжелательность и стремление помочь друг другу. Взрывы и пожары и театральная эстетика огня. Все это части структуры мифа, центром которого является чувство общности. Если компоненты мифа воспринимаются как характеристики особенностей стойкого британского характера, склонного с чувством юмора преодолевать трудности, то чувство общности связано и с

преодолением традиции. Согласно мифу, образовалось новое единство людей, без классовых и гендерных различий.

В послевоенные десятилетия исследования историков доказали, что многое здесь не стало реальностью. Классы по-прежнему весьма значимы, проблемы гендера не разрешились столь радикально, как ожидалось. Однако обращение к массовой литературе, отражающей значимые тенденции национального общественного сознания, показывает неизменность восприятия мифа о Блице как периоде национального подвига и объединения.

Библиография

1. Топоров В. Н. Петербург и "Петербургский текст русской литературы" (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. М. : Прогресс : Культура, 1995. С. 259-367.
2. Муркок М. Лондон, любовь моя / Пер. с англ. З. Джандосовой. СПб: ДОМИНО; М.: Эксмо, 2006.
3. Акройд П. Лондон. Биография / Пер. с англ. В. Бабкова и Л. Мотылева. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005.
4. Morton H. V. H. V. Morton's London. London: Methuen & Co Ltd; 3d ed., 1941.
5. Byatt S. *On Histories and Stories: Selected Essays*. Cambridge: Harvard University Press, 2000.
6. Халилова Л. А. Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения". 2020. № 4. С. 84-98. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-84-98 EDN: RZJVOM.
7. Miller K. A. British Literature of the Blitz: Fighting the People's War. Palgrave Macmillan, London, 2009.
8. Calder A. *The Myth Of The Blitz*. Pimlico, 1994.
9. Новикова В. Г. Повседневность войны женской прозе Великобритании (дневники и романы о Второй мировой войне) // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 210-215. EDN: TUIMJV.
10. Rose S. O. *Which People's War?: National Identity and Citizenship in Wartime Britain*. Oxford University Press, 2004.
11. Bell A. H. *London Was Ours: Diaries and Memoirs of the London Blitz (International Library of Twentieth Century History)*. I.B. Tauris, 2011.
12. Harris C. *Walking the London Blitz*. Pen and Sword Military, 2016.
13. Conen J. *The Bombing of London 1940–41: The Blitz and its impact on the capital*. Matador, 2023.
14. Уотерс С. Ночной дозор / Пер. с англ. А. Сафонова. СПб., ДОМИНО; М., ЭКСМО, 2010.
15. Collins M. A. *The London Blitz Murders*. Berkley Prime Crime, 2004.
16. Bryher, McCabe S. *Beowulf: A Novel of the London Blitz*. Schaffner Press, Incorporated, 2014.
17. Feigel L. *The Love-charm of Bombs: Restless Lives in the Second World War*. Bloomsbury Press, 2013.
18. Сидорова О. Г. Вторая мировая война в произведениях современной англоязычной литературы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27. N 2. С. 147-163.
19. Сидорова О. Г. Женское лицо войны в прозе современных британских писательниц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 121-130. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-2-121-130 EDN: IGMPMW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования являются основные этапы и тенденции развития романов о Лондонском Ближе, созданных британскими авторами. Цель исследования - выявление компонентов той мировоззренческой модели, которая появилась уже в военные годы в Великобритании и стала основой для нового, по сравнению с прежней, имперского, представления о британской национальной идентичности. Избранный ракурс исследования – текст города – оправдан тем, что все произведения представляют собой лондонские тексты с отчетливо выраженными повторяющимися общими местами, в совокупности объединяющимися в мифологему, названную в Великобритании "Миф о Ближе".

Методология исследования определена его целью, предполагающей обобщение большого круга текстов, которые сопоставляются и объединяются в определенные группы, в соответствии с хронологией и осмыслением на каждом историческом этапе основных идей изучаемого мифа. Актуальность исследования определена в значительной степени внелитературными факторами, общим социокультурным контекстом эпохи, в котором постоянно переосмысяются фундаментально значимые события Второй мировой войны. Следовательно, оценка британского литературного процесса с точки зрения презентации в нем идеи самой возможности и очевидной необходимости национального единства в период сопротивления фашистской агрессии, является своевременной. Кроме того, актуальность исследования обусловлена теоретическим ракурсом, - в последние годы активно ведется изучение локальных текстов, сформировались разные методики анализа. Автор статьи вносит вклад в изучение лондонского городского текста.

Библиография статьи включает в себя труды С.Роуз, А. Колдера, Д. Конена, посвященные оценке и переоценке идеологии Мифа о Ближе, литературно-критические труды канадской исследовательницы К.Миллер и отечественных англистов, а также ряд источников, представляющих документальную прозу. В качестве основных текстов для анализа избраны главы из биографии Лондона, написанной П. Акройдом, и роман С. Уотерса «Ночной дозор». Если в первом из них представлены основные элементы лондонского текста в том виде, в каком они были созданы уже в 1940-е годы, то в романе Уотерса художественно убедительно показаны некоторые несоответствия мифу. Здесь делается акцент на образе «отказника», то есть человека, принципиально отказывающегося убивать и не берущего в руки оружия. В статье показано, что эта конкретная тема имеет свою традицию в Англии. В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы относительно современного состояния Лондонского мифа, который, несмотря на попытки его развенчания, до сих пор сохраняется в массовой литературе, которая транслирует мощный, объединяющий национальное сознание потенциал. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации

